

Л. Д. Любачевская

**ВЛАДИМИР ПИМЕНОВИЧ КРЫМОВ –
РЕДАКТОР-ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА
«СТОЛИЦА И УСАДЬБА»**

Журнал «Столица и усадьба», который издавался в Петербурге накануне революции, сегодня известен лишь специалистам и узкому кругу его поклонников. Многие считают это издание главным делом жизни Владимира Пименовича Крымова. Поэтому рассказ о Крымове хочется предварить кратким знакомством с журналом.

Вспоминая последние предвоенные дни перед Первой мировой войной, Дон-Аминадо отмечает, какими неправдоподобно прекрасными представлялись они в эмиграции, на чужбине: «... все <...> залито высоким утренним июльским солнцем, пронизано голубишной, тишиной, блаженством, светом. <...> Олеография? Опера? Пастораль? <...> “Столица и усадьба”, под редакцией Крымова? Или так оно и есть, без стилизации, без обмана, как на полотне Сомова в Третьяковской галерее»¹. О подобном «ностальгическом» значении журнала для «русского Парижа» свидетельствовала и карикатура Шарого (Ю. П. Анненского) «К уразумению смысла русской эмиграции», помещенная на страницах третьего «Сатирикона»: «Сидит в кресле Илья Ильич Обломов. На коленях у него уцелевший номер “Столицы и усадьбы”, а в руках похожая на свастику большая буква Ять. По лицу текут слезы. А пояснение такое: “О славном прошлом вздыхает / И Ять слезами обливает...”»².

Почему же именно этот журнал стал для его читателей символом жизни, из которой они были насильно вырваны? У тех, кому посчастливилось держать в руках «Столицу и усадьбу», листать его, этот вопрос вряд ли возникнет. Каждый оказывается его невольным пленником: окутанный тишиной старинных дворянских усадеб, пораженный утонченным великолепием столичных особняков, вовлеченный в круговорот светской жизни их владельцев, глядящих с многочисленных портретов, он попросту забывает текущую суету. Будучи журналом для великосветской элиты, «Столица и усадьба» изумительно точно передает атмосферу аристократических салонов и гостиных начала XX века. Объявив свое издание «журналом красивой жизни», которая порождает «особые ценности» – благородные традиции, произведения искусства, предметы «красивой старины», многие из которых утрачены, в том числе, и по вине человека, – редакция обещала «запечатлеть эти черточки русской жизни в прошлом, рисовать постепенно картину того, что есть сейчас, что осталось, как видоизменяется, подчеркнуть красивое в настоящем» (№ 1, 1913). Политика и классовая борьба, не имевшие никакого отношения к «красивой жизни», были журналу чужды.

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь : Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 703. («Поезд на третьем пути»). Дон-Аминадо – псевдоним Аминада Петровича Шполянского (1888 – 1957), поэта, прозаика, драматурга, журналиста, литературного и театрального критика, мемуариста.

² Там же. С. 586.

Многие публикации «Столицы и усадьбы» уникальны. Замечательно то, что кроме видных искусствоведов, журналистов, литераторов, с ним активно сотрудничали и сами читатели. Едва вышли первые номера журнала, как «материалы (и очень ценные) повалили к редактору-издателю вместе с просьбами напечатать: фотографии, портреты и соответствующий текст»³. Как бесспорное подтверждение популярности этого издания можно расценить появление мошенников, бравших деньги якобы от имени журнала, за размещение в нем каких-либо материалов (№ 44, 1915).

Присущая этому изданию атмосфера беспечности не была разрушена даже начавшейся войной, ибо, как отмечала редакция: «Наш журнал по своей программе <...> не должен, кажется нам, ни в чем отступить от прежнего содержания. Мы должны дополнить его иллюстрациями некоторых новых величественных красивых черт русской жизни, вдруг проявившихся среди общего подъема» (№ 16 – 17, 1914).

Первый номер двухнедельного журнала «Столица и усадьба» увидел свет 15 декабря 1913 года, и вплоть до 30 сентября 1917 года, когда журнал пришел к читателям в последний раз, вышло 90 номеров в 72 обложках (во время войны номера нередко выходили вдвоенными; предпоследний номер, от 30 марта 1917 года, объединил даже шесть номеров). Тираж издания доходил до 1500 экземпляров. В безупречном оформлении «Столицы и усадьбы» легко угадывается влияние «Мира искусства». Журнал был довольно дорогой⁴, в многокрасочной обложке, с цветными репродукциями, которые специально для него заказывались за границей; печатался он на меловой бумаге в лучшей столичной типографии «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг», руководимой В. Г. Скамони (Звенигородская ул., 11; ныне – ОАО «Иван Федоров»). С журналом сотрудничали лучшие столичные фотографы и художники-графики. Трижды на его страницах публиковались цветные фотоснимки А. Е. Белого – «снимки с натуры в красках» (№№ 21, 1914; 26 и 31, 1915), в том числе и первый в России (как утверждается в журнале) цветной снимок подвижной натуры (№ 26, 1915).

Журнал имел такой успех, что отдельные его номера допечатывались (первый номер вышел даже в трех выпусках); повторные выпуски отличались более скромным оформлением (количество заказываемых за границей цветных репродукций не было на них рассчитано); замечено также некоторое отличие в содержании⁵.

Октябрьская революция не только прекратила издание журнала. Его содержание, присущий ему дух были чужды новым хозяевам жизни. Номера журнала изымались и уничтожались при обысках, а порой, из предосторожности, и самими владельцами. За хранение № 55 (1916) с серией фотографий из семейного альбома царской семьи и вовсе можно было легко поплатиться жизнью, и теперь этот

³ Гуль Р. Я унес Россию : Апология эмиграции. М., 2001. Том II. Россия во Франции. С. 41. (Далее – Россия во Франции). О Романае Гуле, прозаике, мемуаристе, сценаристе, издателе см.: Писатели русского зарубежья : Лит. энциклопедия русского зарубежья. М., 1997. С. 147 – 149. (Статья Е. С. Померанцевой).

⁴ Отдельный номер «Столицы и усадьбы» стоил 85 коп. без пересылки (сигнальный – 75 коп.), подписка на журнал в Петербурге – 11 руб. 50 коп. С началом войны издание постоянно дорожало, дойдя до 1 руб. 50 коп. за номер и 20 руб. за подписку в Петербурге.

⁵ См., напр., различия в статье Вл. Крымова «Танго» в трех выпусках первого номера (1913). На различия в содержании и оформлении разных выпусков одного номера указал А. Г. Рожков-Ширвашидзе.

«опальный» номер – большая библиографическая редкость⁶. Журнал был почти забыт. Один из справочников дореволюционной периодической печати⁷, вышедший в Госполитиздате, благополучно обошел его молчанием. Но сменилась эпоха – «вспомнили» и о журнале, причем сразу отнеслись к нему как к важному историко-культурному источнику, энциклопедии русской усадьбы⁸.

Справедливости ради надо признать, что далеко не все публикации журнала были одинаково значимы, а сам он неоднозначно принимался различными слоями читателей. Не случайно появление его названия и в таком контексте: «... культурные люди в Европе умеют быть пустыми местами, – на что мы, русские, совсем не способны. У нас, если человек – пустое место, он – идет в пушкинисты, или вступает в Цех поэтов, или издает “Столицу и Усадьбу” – в Англии же на нем столько одежд и прикрытий, что его оголтелость не видна» (запись К. И. Чуковского от 27 марта 1922 года)⁹.

Приведенное высказывание – хороший повод перейти от рассказа о журнале к знакомству с его редактором-издателем, Владимиром Пименовичем Крымовым. Аргументируя свою мысль, Корней Иванович мимоходом отозвался и о нем, причем весьма нелестно. К такой же оценке склонялось и большинство других авторов. Так, Кирилл Померанцев пишет: «Человек он был малоинтересный, предельно ограниченный “практическим разумом”. <...> О каких-либо не только “возвышенных” чувствах, но даже простых человеческих – бескорыстной дружбе и любви – не могло быть и речи <...>. Я не знаю и не слышал, чтобы кому-нибудь он сделал зло, во всяком случае умышленно. Но не делал и добра, или лишь постольку, поскольку извлекал “добро” и для себя. <...> Любил же он только себя и верил только себе...»¹⁰.

Слово «малоинтересный» не стоит понимать буквально, ибо тот же автор замечает: «Личностью он был, пожалуй, заурядной, но человеком необычайным», «это был человек с необычайной, хочется даже сказать “гениальной” биографией»¹¹. Роман Гуль считал, что это «был красочный человек. Но не как писатель. Хотя и был плодовит <...>. Красочен Крымов был как *делец*, умел деньги делать из воздуха, был очень богат и чудовищно скуп»¹². Безусловно, речь идет о человеке весьма незаурядном и своеобразном.

Родился Владимир Пименович Крымов в городе Динабурге Витебской губернии 7 (19) июля 1878 года. «Мне никогда не хочется, как другим, вернуться к детству», скажет впоследствии Арсений Аристархов, главный герой его автобио-

⁶ Наблюдение А. Г. Рожкова-Ширвашидзе.

⁷ Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник. М.: Госполитиздат, 1957.

⁸ См., напр.: Лурье Ф. Журнал «красивой жизни» // Нева. 1997. № 9. С. 214 – 224; По страницам старых журналов: Столица и усадьба / Вступит. ст. М. Долинского // Наше наследие. 1989. № 4. С. 110 – 119; Крымов В. П. Портреты необычных людей / Отбор и подготовка текстов П. Паламарчука // Москва. 1998. №№ 4, 5; Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. К – М. С. 184 – 185 (Устинов А. Б. «Крымов Владимир Пименович»).

⁹ Чуковский К. И. Дневники (1901 – 1929). М., 1995. С. 203.

¹⁰ Померанцев К. Сквозь смерть: Воспоминания. London, 1986. С. 131. Кирилл Померанцев – «ученик и друг Георгия Иванова, завсегдагой русского Монпарнасса, поэт и антропософ». (Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее: Ист. альманах. М.; Пб, 1997. С. 105).

¹¹ Там же. С. 125, 131.

¹² Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 1. Россия в Германии. С. 315.

графического романа¹³. «Вся наша семья, – и со стороны отца, и со стороны матери, – были старообрядцы, “раскольники”, а отец и мать приняли почему-то единоверие и меня тоже крестили. Это поселило в семье раздор. <...> Мать лишили наследства. <...> Вся жизнь дома была пропитана религией, религией трудной, печальной, жуткой». «У нас были на все приметы и всегда мрачные. Все сулило беду <...>. Все было пропитано страхом, надвигающимся несчастьем, ожиданием недоброго». «Больше всего сплетничали. Я тоже специализировался на сплетнях, потому что их с интересом слушали старшие»¹⁴. Герой романа в двухлетнем возрасте лишился отца (в биографии автора этот факт не установлен) и рассказывает о матери: «... она меня не ласкала. Она любила меня по-своему, по-аристарховски, неласково. Религиозная борьба, суровый религиозный режим оставляли свой след на ряде поколений. Скопили душевный холод»¹⁵. Выразительный эпизод был рассказан со слов Крымова К. Померанцевым. Мальчику было лет восемь, когда у своего родственника, владевшего несколькими тысячами десятин земли, он увидел поразивший его воображение аквариум с золотыми рыбками. Через некоторое время он узнал, что родственник купил новый аквариум, а старый снес в сарай. Как ни намекал ребенок, чтобы ему отдали ставшую ненужной вещь – его «не понимали», и тогда он буквально по копеечкам, которые мать иногда давала ему на сласти, скопил за год два рубля и выкупил у дяди свою мечту. А все потому, что «... даром, брательник, только кирпичина, на голову падающая, или копейка, рубль берегущая»¹⁶.

В 1896 году Крымов закончил Двинское реальное училище¹⁷, от которого у него осталось одно впечатление – «жутко, холодно. Учителя стараются меня поймают, изболтать в незнании, а я прячусь, хитрю, изворачиваюсь. <...> В гимназии я ни с кем не сходил, меня не любили...»¹⁸. В 1896 – 1902 годах он учится в Петровско-Разумовской (ныне – Тимирязевской) сельскохозяйственной академии в Москве и в это время сближается с представителями «золотой молодежи», живущими на широкую ногу. Желание сравняться с ними и невозможность этого («Аристархов получал из дому пятьдесят рублей в месяц, а приятели тратили тысячи...»¹⁹) порождают стремление стать богатым во что бы то ни стало.

Так формировалась личность Крымова, складывалась система ценностей. «Умный, сухой, к людям совершенно безразличный, без всяких сантиментов, только деловой, а целью “дел” были – деньги»²⁰. «Коммерческие (или, лучше, предпринимательские) способности, позволившие ему выбиться в “большие люди” (да еще в какие!), породили в нем чувство превосходства над другими и презрение к бедным, которых он считал ниже себя, прежде всего в умственном отношении.

¹³ Крымов Вл. Сидорово учение. Берлин, б. г. С. 41. Роман – первая часть трилогии «За миллионами» (две другие – «Хорошо жили в Петербурге» и «Дьяволенок под столом»). Все, кто писал о Крымове, отмечали автобиографический характер трилогии, но сам автор в предисловии к данному изданию это отрицал. Однако, безусловно то, что главный герой трилогии – alter ego ее автора.

¹⁴ Крымов Вл. Сидорово учение. Соответственно с. 51, 56, 62.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Померанцев К. Сквозь смерть. С. 129.

¹⁷ В 1893 году город Динабург был переименован в Двинск (ныне это Даугавпилс, Латвия).

¹⁸ Крымов Вл. Сидорово учение. С. 91.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Гуль Р. Россия во Франции. С. 38.

В действительности же, почти всегда было наоборот»²¹. «Ни о какой вере или религиозности, конечно, не могло быть и речи. Было даже наоборот, верующих людей он почти открыто презирал»²².

Окончив академию, Крымов поступил на службу к своим родственникам-миллионерам, которым требовался человек образованный – и свой: «... у них были большие дела, росли с каждым днем. Если делать деньги, то нужно идти именно сюда»²³. Это были его настоящие «университеты», сформировавшие того дельца-Крымова, которого все знали.

Но было еще и писательство, которое он очень любил, к которому относился весьма ревностно. Оно овладело Крымовым очень рано: «... еще гимназистом писал в газеты, часто впустую, а иногда по три копейки за строчку»²⁴. Его первый сборник рассказов «Здесь. Психологические этюды», вышедший в Харькове в 1909 году под псевдонимом Н. Н. Тавридин, отразил юношеское увлечение ницшеанством и был конфискован «за кощунство и порнографию»; причем факт конфискации Крымов впоследствии не скрывал, а наоборот, указывал в анонсах к своим книгам, по крайней мере, изданным в эмиграции. Между тем, занимаясь коммерческой деятельностью, он много путешествовал по России и за границей. Впечатления от этих поездок легли в основу путевых очерков, которые сделали их автора известным. Крымова-писателя числили по жанру легкой литературы. Уже подытоживая его творчество, Глеб Струве отмечал, что ему «нельзя отказать в некотором литературном умении и лоске. <...> Крымову нередко удаются отдельные, особенно второстепенные, сатирически зарисованные персонажи; он умеет плести нить занимательного рассказа, вводя в свои романы элемент авантюрно-детективный. <...> В Крымове вообще близко соседствуют внешняя литературная умелость, некоторый сатирический дар и отсутствие чувства меры и вкуса»²⁵.

Жизнь Крымова резко изменилась после того, как А. С. Суворин заключил с ним пятилетний договор: «... вместо провинциальной она стала столичной, вместо промышленности и торговли – печатное дело»²⁶. В 1910 году Крымов переселился в Петербург, который манил его еще и тем, что «там дорога к миллионам шире»²⁷. Он стал доверенным (коммерческим директором) «Товарищества А. С. Суворина» и в то же время публиковался в его изданиях.

Адреса Крымова до 1912 года не установлены. Справочник «Весь Петербург за 1913 год» дает нам первый адрес – Каменноостровский проспект, 69. Этот дом, принадлежавший купцу Ф. А. Алферову, ныне не сохранился. Следующий адрес (в справочнике за 1914 год) – Каменноостровский, 59. Пышный фасад этого дома, построенного в 1908 – 1909 годах архитектором Мульхановым для купца И. Д. Агафонова²⁸, украшает собой угол Каменноостровского проспекта и ули-

²¹ Померанцев К. Сквозь смерть. С. 128 – 129.

²² Там же.

²³ Крымов Вл. Сидорово учение. С. 123.

²⁴ Крымов В. П. Портреты необычных людей // Москва. 1998. № 5. С. 198.

²⁵ Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Изд. третье, испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 94.

²⁶ Крымов Вл. Сидорово учение. С. 163.

²⁷ Там же.

²⁸ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : Справочник / Авт.-сост. А. М. Гинзбург, А. М. Кириков; Под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 223.

цы Чапыгина (ранее – Вологодской). С 1911 года его владельцами стали братья Оболенские, Владимир Платонович и Сергей Платонович. Крымов занимал квартиру № 18, по крайней мере, именно по этому адресу первое время располагалась редакция и контора журнала «Столица и усадьба»²⁹.

Журналистская и литературная деятельность Крымова (за петербургский период его жизни было выпущено несколько сборников путевых очерков) нимало не препятствовала коммерческой, а напротив, способствовала налаживанию выгодных связей в деловых и великосветских кругах. Известно, что Крымов был представителем каучуковой компании «Проводник», что через великого князя Андрея Владимировича и М. Ф. Кшесинскую он получил заказ на поставку для русской армии американских автомобилей «Пакар», что даже «за год до революции почти поставил на ноги в Петербурге издание большой, чуть ли не стостраничной, газеты по образцу знаменитой лондонской “Таймс”»³⁰.

Поразительно, но идея издания «Столицы и усадьбы» родилась «не из любви к истории и литературе. <...> Крымову до зарезу хотелось вступить в члены “Английского клуба” (опять-таки не из чванства, а чтобы делать дела, завязывая “великосветские знакомства”). И вот он выдумал обойти “высший свет”, начав издавать дорогой, <...> типографски сделанный безупречно, великосветский журнал...»³¹. В издании первых номеров ему помог близкий друг со времен учебы в академии, московский уездный предводитель дворянства Ф. В. фон Шлиппе, «... а дальше пошло как по маслу <...>. Крымов установил личные знакомства со многими великосветскими людьми, а с некоторыми и “подружился”. И когда он почувствовал под собой почву, то и вступил-таки в “Английский клуб”, да еще так, что против него не было ни одного “черного шара”»³².

А между тем, журнал «Столица и усадьба» давал Крымову не только новые связи и немалые доходы, но и возможность публиковаться в свое удовольствие. Путевые очерки, фельетоны, заметки, эссе – подписанные фамилией или инициалами, зачастую псевдонимами (Эпикур, Cosmopolite, Глобтроттер³³, не исключены в данном издании и другие) или вовсе без подписи, но с легко узнаваемым стилем, – все они встречаются в каждом номере и неоднократно. Кроме того, Крымов вел постоянную рубрику «Экзотические разговоры», содержание которой дает нам повод назвать ее «Подслушанные разговоры» (по примеру В. Бианки).

С марта 1914 года на рекламной страничке журнала стало регулярно появляться скромное объявление: «КУПИТЬ ЖЕЛАЮТ маленький каменный барский особняк непременно на Аптекарском или Каменном острове или в Новой Деревне. Предложения письменно», далее следовал адрес Крымова. Объявление печаталось вплоть до августа, а в № 16 – 17 от 1 сентября 1914 года было сообщено об изменении с 10 сентября адреса редакции: отныне это был «Каменный остров, дом 31, на площади театра, собственная вилла»; контора журнала разместилась в свою оче-

²⁹ Схожесть номеров домов может быть следствием опечатки в справочнике 1913 года. Подтвердить № 69 по другим источникам не удалось, в то время как № 59 подтверждается выходными данными журнала.

³⁰ См.: Померанцев К. Сквозь смерть. С. 125.

³¹ Гуль Р. Россия во Франции. С. 40.

³² Там же. С. 41.

³³ Globetrotter (нем.) – заядлый путешественник.

редь в Доме Зингера (Невский пр., 28, к. 10 – «с Невского на подъемной машине в 3 этаж»).

Особняк Крымова не сохранился. В. А. Витязева называет его особняком Клейнмихель-Крымова³⁴, указывая тем самым, кому он первоначально принадлежал. Между тем, среди документов по Каменному острову, находившихся в ведении Технического отдела Санкт-Петербургской Городской управы и касавшихся расположенного вблизи театра участка дома № 31, есть объединенные в одно дело два проекта застройки³⁵. Согласно первому, утвержденному 19 февраля 1909 года, на этом участке, действительно арендуемом на тот момент вдовой генерал-майора графиней Марией Эдуардовной Клейнмихель, предполагалась перестройка двухэтажной деревянной дачи. Но второй проект, утвержденный 2 сентября 1911 года, указывает другого арендатора, Евгению Даниловну Добровольскую³⁶, и предполагает постройку на этом участке второй деревянной двухэтажной дачи. Сравнение представленного в проекте плана фасада этого сооружения с фотографией дома Крымова, помещенной в его журнале, не оставляет сомнения, что речь идет об одном и том же доме. Документов же, свидетельствующих о том, что к 1914 году, когда дом купил Крымов, им вновь владела М. Э. Клейнмихель, обнаружить не удалось.

И вот наступил 1917 год. Как повел себя Крымов? По словам Романа Гуля, «... в феврале 1917 года *во всей России* Крымов оказался единственным провидцем. <...> Провидчество В. П. Крымова состояло в том, что *в первый же день февральской революции*, когда во всей России царил *всенародное ликование*, <...> Владимир Пименович (как он рассказывал) понял сразу, что “*всему конец!*” и “*все обрушится!*” И тут же сделал практические выводы: весь свой капитал быстро перевел в Швецию, а сам (с женой) выехал из России. Так как покинуть Россию можно было лишь в восточном направлении, В. П. в первом классе сибирского экспресса пересек всю Сибирь и через Японию, не торопясь, отправился в кругосветное путешествие. Где он только не побывал, каких только стран не повидал в то время, как в России все “углублялась” и “углублялась” революция, <...> и, наконец, в 1920 году прибыл в Европу. Приехал в Берлин. Война была давно кончена, в России шел ленинский развал»³⁷. После отъезда Крымова исполняющим обязанности редактора «Столицы и усадьбы» был назначен Н. О. Лернер, а сам Владимир Пименович некоторое время, пока журнал еще выходил, присылал в него свои корреспонденции.

Наслаждаясь путешествием, Крымов в то же время сумел изрядно увеличить свой капитал. Будучи в Нью-Йорке, он явился к Пакару и, предъявив соответствующие документы, потребовал в качестве комиссионных чуть ли не 750 000 долларов. Правда, в выплате всей суммы ему было отказано, а судиться было невыгодно, но та треть, на которой стороны сошлись, по тем временам была огромной суммой.

³⁴ Витязева В. А. Каменный остров. Л., 1991. С. 222.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8897.

³⁶ О формах владения участками на Каменном острове в начале XX века см.: Витязева В. А. Каменный остров. С. 174 – 175.

³⁷ Гуль Р. Россия во Франции. С. 38 – 39. Курсив Р. Гуля.

В Европу (Лондон) Крымов вернулся в 1920 году и в начале 1921 года приехал в Германию, купив небольшой особняк с садом в Целендорфе, расположенном в окрестностях Берлина. Там он «женится на своей секретарше, очаровательной Берте Владимировне Ловяновой»³⁸ (вместе с которой он выехал из России, как можно понять Р. Гуля, хорошо знавшего эту семью). Детей у Крымова не было, «от них одни хлопоты и неприятности, а что из них выйдет – неизвестно»³⁹, зато в доме «всегда была собака, за которой ухаживали, как за ребенком, а ее смерть переживалась как настоящая драма»⁴⁰.

Короткое время, с марта по август 1921 года, Крымов редактировал эмигрантскую газету «Голос России», купив ее у предыдущего владельца Гольдберга, «но, вероятно, поняв, что это не “дело”, вскоре с ней развязался»⁴¹. Более к издательской деятельности он уже не возвращался, но свое невероятное предпринимательское чутье и завидную удачливость в операциях все же продемонстрировал. Дело в том, что советское правительство, делая крупные закупки на Западе, расплачивалось за них векселями, которые не котировались вовсе, ибо «мало кто <...> решался служить большевикам наличными – если не по моральным, то по экономическим соображениям»⁴². Крымов, возглавляя в то время советско-немецкое общество «Промо», закупавшее не требующие лицензии Торгпредства мелкие товары, познакомился через него с директором советского государственного банка Ройzmanом. Получив от него надежную информацию, Крымов начал по дешевке скупать эти векселя и после их погашения в несколько раз увеличил свой капитал.

С приходом к власти Гитлера оставаться в Целендорфе стало небезопасно, тем более, что Берта Владимировна была еврейкой. Окончательное решение об отъезде из Германии было принято после ночного обыска, когда «немцы вломались в виллу, все обыскали, искали что-то даже в саду...»⁴³. И вот в 1933 году Крымовы перебираются во Францию, купив в Шату, недалеко от Парижа, роскошную Villa Vlaber, расположенную на самом берегу Сены (авеню Эпремениль, 3) и славившуюся громкими именами своих прежних владельцев. Это были актеры Макс Линдер и Сессиль Сорель и, что особенно импонировало новому хозяину, знаменитая авантюристка, шпионка Мата Хари. «Переезд, как и сам человек, был тоже необычный. Все содержимое целендорфского особняка было упаковано и отправлено в нанятом на этот предмет товарном вагоне, куда было погружено решительно все: грубая безвкусная обстановка, посуда, книги (их было много), старая кухонная утварь, <...> дешевые садовые инструменты <...>. Сами Крымовы уехали на автомобиле (Б. В. была отличным шофером). Кроме них в автомобиле было... несколько клеток с курами, с которыми Б. В. ни за что не хотела расставаться»⁴⁴.

Вероятно, во Франции Крымов отошел от коммерческой деятельности, по крайней мере, данных о ней нет, но публиковаться продолжал. Всего насчитывает

³⁸ Померанцев К. Сквозь смерть. С. 127.

³⁹ Там же. С. 128.

⁴⁰ Там же. С. 130.

⁴¹ Гуль Р. Россия во Франции. С. 39.

⁴² Яновский В. С. Поля Елисейские : Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 243.

⁴³ Гуль Р. Россия во Франции. С. 36.

⁴⁴ Померанцев К. Сквозь смерть. С. 127.

ся около двадцати книг, изданных им в эмиграции и имевших спрос у массового читателя. Но критика принимала их неоднозначно и чаще отрицательно. Его произведения почти сразу переводились, но поговаривали, что он сам оплачивал переводы. Более благосклонно была встречена критиками его автобиографическая трилогия. Думается, что и мемуары представляли интерес. Нельзя не прислушаться к мнению В. С. Яновского, отмечавшего, что Крымов «был талантливым литератором, с культурой языка. Но беда в том, что купцом он оказался гениальным, а это действовало на нас, искривляя перспективу»⁴⁵. К тому же, за ним навсегда закрепилась репутация «нововременца».

Рассказывающие о Крымове непременно отмечают его скупость. Выразительный эпизод поведал Роман Гуль, вынужденный одно время пользоваться гостеприимством четы Крымовых. Понимая, что Гуль сильно нуждается в средствах, Владимир Пименович предложил ему сумму в 30 франков. Пораженный самим этим фактом предложения денег, Гуль стал заверять, что при первой же возможности отдаст, и вдруг услышал: «Нет, нет, <...> пожалуйста не отдавайте! <...> если вы отдадите, то можете попросить бóльшую сумму, а мне будет трудно и неловко вам отказать, лучше так... не отдавайте...»⁴⁶. Померанцев объяснял это свойство Крымова той средой, в которой он рос: «уже ставши миллионером, В. П. – так он мне объяснял – не не хотел, а не умел давать деньги даже взаймы»⁴⁷. Однако же есть, например, свидетельство, что Крымов очень помог нуждавшемуся во время войны И. И. Тхоржевскому⁴⁸.

Но что уж совсем не вяжется с классическим образом скупого, так это частые, поставленные на широкую ногу приемы в доме Крымовых (и в Целендорфе, и в Шату), когда стол ломился от угощений и напитков. Крымов нуждался в обществе, любил сводить за одним столом людей противоположных, и часто к нему приезжали «в надежде встретить интересных людей, обменяться мнениями, воспоминаниями, поспорить. А спорили много и часто»⁴⁹. Здесь могли встретиться монархист с меньшевиком и оба они – с гостем из советской России, которого хозяин норовил заполучить, едва прослышав о его приезде. А уж о литераторах, художниках, артистах и говорить не приходится. Однажды Крымов при Гуле «проболтался» (потом он сделал вид, будто ничего не говорил), что у него раз обедал «товарищ Мефодий» (под этим псевдонимом был известен Дмитрий Захарович Мануильский, секретарь исполкома Коминтерна). Сам Крымов, по отзывам, был превосходным рассказчиком и «обладал к тому же замечательным тембром голоса и русским языком»⁵⁰.

Владимир Пименович Крымов прожил долгую жизнь. Он умер в 1968 году «почти девяностолетним стариком от сердечной болезни. Но еще за несколько месяцев до смерти был бодр, подолгу гулял в саду, пилил дрова. Когда начались перебои в сердце и позванный врач дал какие-то лекарства и запретил пилку дров, он

⁴⁵ Яновский В. С. Поля Елисейские. С. 243.

⁴⁶ Гуль Р. Россия во Франции. С. 46.

⁴⁷ Померанцев К. Сквозь смерть. С. 130.

⁴⁸ Тхоржевский С. С. Шпага за шкафом : Вместо предисловия // Тхоржевский И. И. Последний Петербург : Воспоминания камергера. СПб, 1999. С. 19.

⁴⁹ Померанцев К. Сквозь смерть. С. 131.

⁵⁰ Там же. С. 129.

через несколько дней снова стал их пилить (“для упражнения”) и заявил, что врач шарлатан и ничего не понимает и “только берет деньги”. И это ускорило его конец»⁵¹.

Похоронен Крымов на кладбище Сен-Женевьев де Буа в Париже.

Принимая устоявшееся мнение о Крымове, отраженное в многочисленных мемуарах (что само по себе говорит о его неординарности), трудно уйти от впечатления, что его пронизательность была обращена и на самое себя. Еще в середине тридцатых годов он написал о главном герое своей трилогии: «Я стремлюсь изобразить переживания человека, который пол-жизни думал, что в осуществлении задуманной карьеры вся цель жизни... Обгоняя толпу, он уперся в стену, озираясь рассеяно на пройденный путь, вдруг понял, что цель была ничтожна, только мираж»⁵².

⁵¹ Там же. С. 131.

⁵² Цит. по: Крымов В. П. Портреты необычных людей // Москва. 1998. № 4. С. 194.